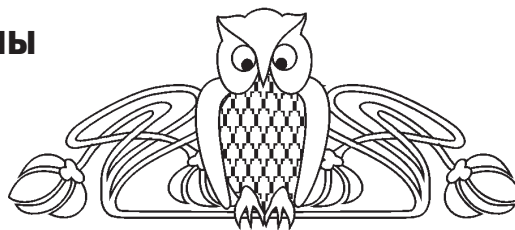

УДК 141.32

Проблемы идентификации женщины в древних государствах (Древний Восток и Античный мир)

Л. И. Жижилева

Жижилева Лариса Ивановна, кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, larzhi73@yandex.ru

Статья посвящена исследованию проблем и возможностей идентификации маргинализованного человека на примере женщины древнего государства. Стереотипы патриархальной культуры создают видимость «безопасности» и ограничивают развитие идентичности личности, ориентируя ее на социальные установленные роли. Против давления культуры, обусловленности человека социальными требованиями в XIX–XXI вв. выступали представители разных направлений, в том числе и экзистенциальной философии и психологии, поднимающие проблематику подлинности существования. Однако как в древности, так и сегодня, для формирования аутентичного бытия личности важны не только социальные возможности. Необходимо, чтобы в культуре поддерживалась самооценочность человека, его связь с внутренними ощущениями, эмоциями, чувствами. Это особенно актуально для многих женщин, чья ценность веками обуславливалась лишь интересами других, но не себя. Тем женщинам, которым удавалось быть в ладу с собой, открывались возможности для проживания себя подлинно. Это могла быть реализация, в том числе в исключительно «мужских» для древних обществ сферах (экономике, политике). Кроме того, существуют примеры и универсальной реализации в религиозных и магических практиках, когда ее идентификация направлена на природные процессы, богов, Сознание.

Ключевые слова: идентичность, идентификация, экзистенциальная философия и психология, женщина, древнее государство, Древний Восток, Античный мир.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-1-21-25>

Формирование идентичности человека во многом зависит от тех установок, что закрепились в общественном сознании и превалируют в культуре. Возможно лишь в настоящее время некоторые прогрессивные родители, желая счастья своему ребенку, наблюдают за его развитием и направляют его способности, не опираясь на гендерные стереотипы. Однако это – новшество, не так давно получившее признание у части общества. Зачастую в истории древних государств мы сталкиваемся с твердыми правилами полового воспитания, которые не учитывают особенностей развития конкретного ребенка, а жестко ориентируют его на определенную модель поведения, свойственную его полу, представлениям

о «правильном» в культуре. Возникает вопрос: при каких условиях возможна самоидентификация в соответствии с внутренними запросами, особенно если речь идет о маргинализованных группах населения?

Если теоретически проблема бытия человека формулируется уже в конце XIX – начале XX в., в том числе в экзистенциализме, то практически Европа в Новое время расширяет возможности выбора человеком своей жизни. Правда, данный выбор на протяжении многих веков касался мужчин, чьи права и свободы постепенно расширялись и уравнивались буржуазными революциями, а также происходившими после них реформами. И только ко второй половине XX в. в ряде развитых стран и женщины почувствовали, что круг их социальных возможностей стал шире и их права не только формально закреплены, но и гарантированы. Для них также важно прожить свою жизнь полноценно и аутентично, не борясь с мужчинами за социальные возможности.

Данная тема, безусловно, имеет огромное значение для современных женщин, переживающих период слома модели традиционной идентификации. Наблюдаемый в настоящее время мировой «консервативный поворот» указывает на шаткость традиционных ценностей, но этот процесс сопровождается всплесками силового давления. Случаи бытового насилия, инцеста, мизогинии, харассмента, нарушений прав при трудоустройстве и т. д. активно обсуждаются. Как возможна при таких условиях самореализация и что ей препятствует? В этой связи мы можем обратиться к опыту самоощущения женщин в древних государствах.

Однако чаще всего нам оказывается доступным мнение авторитетов, выражающих довольно узкую патриархальную позицию. Так, древнегреческий философ Аристотель считал мужчину по его природе существом умственно развитым, а потому властвующим, а женщину рассматривал как способную в силу ее природы выполнять чужие поручения, а потому подвластной и рабствующей [1, с. 377]. В связи с этим о ней «лучше» скажет авторитет, но не она сама. Преобладание теоретических установок

над практикой является до сих пор проблемой науки, а не только Аристотеля. Французский историк П. Брюле отмечал, что там, где для него природные явления не укладывались в разработанную схему противоположностей, в ход шла идеология [2, с. 85–86]. Вероятно, целью мизогиничных утверждений, которыми в древности была переполнена литература (например, «Теогония» Гесиода, «Домострой» Ксенофонта, «Женщины в народном собрании» Аристофана и др.), как раз и была идеологическая установка на поддержание идентификации с идеей превосходства для тех юношей, у которых могли быть сомнения в этом.

Гендерные стереотипы преобладающей маскулинности и женской «несостоятельности» служат ярким проявлением воинственной государственной культуры, в которой вплоть до середины XX в. доступ к власти имели военные элиты и ценилась идентификация с этой ролью [3, с. 54–57]. Действительно, именно военная сила позволяла древнегреческим полисам выжить, воюя с другими за скудный ресурс, и держать в повиновении многочисленную армию бесправных рабов внутри страны. Там, где насилие становится основным способом решения проблемы выживания, слабые (старики, женщины, дети) маргинализируются. Их социальные возможности ограничены, а собственный голос не слышен.

Косвенно об ощущениях женщины в патриархальных культурах нам рассказывают только мужчины. Так, в известном индийском эпосе «Рамаяна» главная героиня Сита показана как наивная, одинокая и чувствительная девочка, а потому привязанная до зависимости к своему мужу Раме. Она «жертва» обстоятельств, представленная нам как добыча Раваны, которая еще и должна была доказывать своему мужу собственную непорочность. И только решимость пойти на костер свидетельствует о ее бесстрашии, силе духа и фальшивых отношениях, построенных с недоверчивым Рамой. В гомеровской «Одиссее» мало говорится о чувствах Пенелопы. Автор, называя Пенелопу разумной, тем не менее указывает на ее статус пассивной ожидающей жены, которая вынуждена смириться перед волей всех окружающих мужчин, ничего не может противопоставить женихам, которые грабят и уничтожают хозяйство отсутствующего Одиссея.

Что могла чувствовать древнегреческая женщина, которая не была хозяйкой ни дома, ни вне его, постоянно находясь под угрозой домогательств? Известный российский исследователь античности И. Е. Суриков отмечал, насколько опасно ей было находиться вне дома. В этой

связи он приводит пример, озвученный оратором Лисием из судебного разбирательства, который касается соблазна Эратосфеном афинянки, просто случайно увиденной им проходящей в процессии похорон ее свекрови [4, с. 38, 41, 51]. Женщина, выросшая при угрозе повседневного домогательства и насилия, должна испытывать, по меньшей мере, перманентный страх. Но о таких состояниях мы узнаем не от нее самой.

Размышляя о том, как античные женщины воспринимали себя и окружающую реальность, Е. Вардиман обращается к результатам осмотра обугленных останков людей, найденных в Помпеях – городе, погибшем в результате извержения Везувия. Мужчины умирали в движении, очевидно, сопротивляясь или пытаясь избежать смертоносной стихии, а женщины лежали, уткнувшись в землю в позе покорности, даже не предпринимая никаких действий к своей защите [5, с. 129]. Данный феномен можно объяснить тем, что мужчины, самооценку которых культурой не ставилась под сомнение, бессознательно использовали два распространенных и в настоящее время психологических способа защиты от угрозы, а именно агрессию и избегание. К сожалению, для женщин доступен был только третий способ защиты, т.е. замирение, свидетельствующий о неспособности организма использовать свои резервы для сопротивления и избегания опасности. Исследование феномена замирения в XX в. привело к открытию формирования механизма выученной беспомощности человека, когда в результате регулярного и непредсказуемого физического и психологического насилия он не способен оказывать сопротивление, защищать себя, не стремится к развитию, а ведет вяло депрессивное и апатичное существование. Кроме того, в XX в. был открыт еще один психологический феномен, показывающий, как ведут себя жертвы насилия, в том числе и повседневного бытового. Лица, проведенные с насильником некоторое время в состоянии изоляции, страдают от «стокгольмского синдрома», который связан с их эмоциональной привязанностью к насильнику, попытками его оправдать, выгородить, следовать его указаниям.

Итак, воспитание девочки в древнем государстве в духе перманентного насилия или домогательств как несамоценного человека приводило к тому, что одни женщины старались просто выжить, цепляясь за любую мужскую фигуру (отца или мужа), а другие владели бессмысленное апатичное и депрессивное существование.

Однако нас также интересует вопрос: была ли способна женщина даже в таких условиях

осознать собственную ценность, а значит возможность выбрать свою идентичность? На наш взгляд, формированию самооценки могли способствовать восточные культуры и культы таких богинь, как Инанна (Шумер), Исида (Древний Египет), Кибела (Фригия), которые были отголосками поклонения Великой Богине, чье почитание свидетельствовало о некогда важной роли женщины в обществе. В Европе восточные культы получили распространение в эллинистическую и римскую эпохи. Они указывали на большую цельность женских образов в отличие от античных, в которых функции Великой Богини были переданы множеству богинь.

Пути идентификации человека вопреки уготованной семейной роли, безусловно, небезопасны, но могли стать базисом духовной практики, которую проходили в те времена религиозные люди (например, буддисты, даосы). В этой связи хотелось бы вспомнить о поэтессе-мистике Лаллешвари, хотя и жившей примерно в XII в. в Индии, что не относится к рассматриваемому нами историческому периоду, но ярко демонстрирует положение адепки шиваизма. Духовный путь был не только ее призванием, но и отдушиной от жестокости и насилия, которые она испытывала в семье мужа. В конечном итоге Лаллешвари оставила семью и вела жизнь мистической путешественницы, постоянно сталкиваясь с домогательствами и издевательствами в свой адрес, но все это поэтесса использовала как источник для собственной духовной практики [6].

Одним из условий, которое позволяло предприимчивой женщине развиваться, а окружающим считаться с ней, была ее экономическая состоятельность. Американский философ К. Уилбер полагает, что участие женщин в экономике первобытного общества (собирачество, мотыжное земледелие) делало их статус равным статусу мужчин, что значимо в любую эпоху [7, с. 16–18]. Что же касается древних государств, то их экономическая система была частью патриархальных отношений. В ряде древних стран, например древнеиндийских княжествах, женщина даже в правовых актах сравнивается с имуществом. Так, древнейший индийский памятник «Законы Ману» представляет ее как зависимую от мужа, даже после ее продажи и оставления им (ст. 46 гл. IX), рассматривает похищение женщин как особо тяжкое преступление в разделе краж имущества (ст. 323 гл. VIII) [8, с. 44–47]. Но очевидно, что дорогим имуществом были женщины из благородных семей, а древние практики инфантицида девочек, скорее, свидетельствуют о том, что все остальные таковым не были. Однако

в древней истории имеются и некоторые свидетельства экономического преуспевания женщин. Так, профессор Оксфордского университета Дж. Бэлсдон отмечает, что примерно в III в. до н. э. в Римском государстве постепенно устанавливается свободный брак без подчиненной роли жены, а в 25 лет любая ее зависимость становилась формальной. Жена имела свою собственность и могла оформить развод. За пределами Рима в Италии было множество отпущенниц и вдов, владевших верфями, женщин-врачей, а также тех, кто содержали салоны, танцовщиц [9].

В древности некоторые женщины реализовали свои способности и в политике. Так, В. А. Головина указывает на особое положение в древнеегипетской культуре царицы Нефертари. Она не только имела высокие титулы, в ее честь мужем Рамсесом II был построен храм в Нубии, где изображения Нефертари по величине не отличаются от фараоновых, что свидетельствует о равенстве их статусов. В ее изображениях в заупокойной гробнице в Долине цариц имеются включения красного цвета (характерно для богов и фараонов), а сама она общается с богами, что дает возможность говорить о ее индивидуальности и самодостаточности [10, с. 11, 14, 31, 33, 41.]. В имперском Риме участие женщин в политике имело далеко не единичный характер. Не будучи допущенными к выборам, они часто создавали свои общества, подобные мужским, в которых обсуждались религиозные, моральные, политические вопросы, и эти общества играли заметную роль в муниципальных делах [11, с. 117].

Помимо политики областью реализации собственных возможностей для женщины могли стать образование и педагогическая деятельность. Если для древневосточного и древнегреческого обществ это было не типично (известно, например, о том, что женщины входили в пифагорейский союз и пребывали в общине Эпикура на равных с мужчинами), то в имперском Риме образованная женщина не была редкостью. Более того, имя философа Гипатии связывалось с высокой для того времени образованностью и педагогическим талантом, привлекавшим к ней студентов из разных стран.

Кроме того, одной из приемлемых идентификаций для женщины могла стать религиозная или магическая стезя, которая позволяла опереться на свои чувства и эмоции. В этой связи современный экзистенциальный психолог А. Лэнгле пишет о том, как важно для формирования подлинной идентичности осознавать свое тело, чувства, эмоции, переживания [12, с. 127–148]. Современные исследования мифов и сказок

указывают на то, что в древности формирование магических способностей девочек к 10–13 годам было обычным делом [13, с. 67–87]. Будучи взрослыми, такие женщины активно участвовали в обрядах, связанных с поддержанием плодотворяющей силы земли. Очевидно, что для развития своей связи с окружающим миром и реализации в нем девочка должна ощущать самоценность, не только сохраняя свою чувствительность, но и поддерживая свои способности, о чем пишет одна из наших современниц, последовательница даосских практик М. В. Николаева (Шанти Натхины) о китайских женщинах в древности [14].

Однако в период становления государственности высокая чувствительность как столь необходимое условие занятия духовными и магическими практиками была для многих просто невозможна. На перманентной войне организм защищает человека, ограничивая его чувственно-эмоциональную сферу. Данная потеря, как представляется, сказалась на большинстве женщин и мужчин. Редкостью в период государственности становятся целительницы и знахарки, к помощи которых обращаются, но одновременно и боятся их. Например, чудеса безумства и колдовства приписывает фессалийским женщинам древнеримский писатель Л. Апулей в своих «Метаморфозах» [15]. А социальную значимость имеют не женщины репродуктивного возраста, а девственницы или пожилые дамы, которые становились жрицами богинь.

Таким образом, одним из важных условий конструирования собственной идентичности для современного человека независимо от пола является наличие альтернативных силовым и иерархическим практик, которые могут быть избраны как безопасные направления реализации. В условиях преобладания патриархальных ценностей многие женщины традиционной идентификации, живущие в среде домогательств, физического и психологического насилия, утрачивают чувствительность и самоценность и либо приспосабливаются к сильному, либо впадают в существование в состоянии замирания и апатии. Однако какой бы внешне суровой не оказалась обстановка выживания, встречались люди, которые полагались на свои чувства и эмоции и не утрачивали самоценности. Тем самым они формировали себя, собственную идентичность,

учитывающую внешние и внутренние факторы. В их числе буддистки, даоски, женщины, создававшие свои предприятия, участвовавшие в общественных организациях, являвшиеся жрицами, поэтессами, преподавателями, политиками и др. Глубокая связь с собой открывает и возможности для более эффективного взаимодействия с миром. Это показывает путь магического и религиозного общения, который был более продуктивен для женщин в последующие эпохи.

Список литературы

1. *Аристотель*. Политика // *Аристотель*. Соч. : в 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1983. 779 с.
2. *Брюле П.* Повседневная жизнь греческих женщин в классическую эпоху. М. : Молодая гвардия, 2005. 239 с.
3. *Жижилева Л. И.* Личность и государство : проблемы идентификации личности в античном мире // *Право и государство : теория и практика*. 2017. № 4. С. 54–57.
4. *Суриков И. Е.* Сапфо. М. : Молодая гвардия, 2015. 268 с.
5. *Вардиман Е.* Женщина в Древнем мире. М. : Наука, 1990. 335 с.
6. *Кравчук К.* Женщины Абсолюта. М. : Ганга, 2017. 364 с.
7. *Уилбер К.* Краткая история всего. М. : АСТ ; Астрель, 2006. 476 с.
8. Из законов Ману // *Хрестоматия по Всеобщей истории государства и права*. Т. 1. М. : Юрист, 2007. С. 44–47.
9. *Бэлсдон Дж.* Женщины Древнего Рима. Увлекательная история жизни римлянок всех сословий. М. : Центрполиграф, 2016. 318 с.
10. *Головина В. А.* Жена царицы Великая Нефертари Меритенмут // *Женщина в античном мире : сб. ст.* М. : Наука, 1995. С. 8–43.
11. *Чаплыгина Н. А.* Римская женщина в правление Августа // *Женщина в античном мире : сб. ст.* М. : Наука, 1995. С. 104–130.
12. *Лэнгле А.* Жить аутентично : как, несмотря ни на что, стать самим собой? // *Развитие личности*. 2005. № 1. С. 127–148.
13. *Пименова М. В.* Этногерменевтика русской сказки. М. : ИНФРА-М, 2018. 355 с.
14. *Николаева М. В. (Натхины Ш).* Женские даосские практики. Период подготовки. СПб. : Вектор, 2006. 191 с.
15. *Апулей Л.* *Метаморфозы, или Золотой осел*. М. : Геликон, 1991. 191 с.

Образец для цитирования:

Жижилева Л. И. Проблемы идентификации женщины в древних государствах (Древний Восток и Античный мир) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 21–25. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-1-21-25>

Identification Problems of a Woman in Ancient States (the Ancient East and the Antique World)

L. I. Zhizhileva

Larisa I. Zhizhileva, <https://orcid.org/0000-0001-7725-2159>, Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics, 44 Lermontovsky prospect, Saint Petersburg 190103, Russia, larzhi73@yandex.ru

The article is devoted to the study of the problems and possibilities of identifying a marginalized person using the example of a woman of the ancient state. Stereotypes of patriarchal culture produce the appearance of "security" and limit the development of a personal identity, directing it at socially established roles. Representatives of different schools of thought including existential philosophy and psychology, raising the issues of the authenticity of existence, opposed the pressure of culture and the conditionality of a person in the XIX-XXI centuries. However, both in antiquity and today, the formation of the authentic being of a person depends not only on social opportunities. It is necessary that the culture maintains the intrinsic value of a person, his or her connection with inner sensations, emotions and feelings. This is especially true for many women, whose value for centuries was determined only by the interests of others, but not themselves. Those women who managed to be in harmony with themselves, opened up opportunities for a true living of themselves. This could be the realization, including in exclusively "male" areas for ancient societies (economics, politics). In addition, there are the examples of universal realization in religious and magical practices, when her identification is aimed at natural processes, gods and Consciousness.

Keywords: identity, identification, existential philosophy and psychology, woman, ancient state, Ancient East, Antique world.

References

1. Aristotel. Politics. In: *Aristotel. Sochineniya*: v 4 t. T. 4 [Aristotel. Complete works: in 4 vols. Vol. 4]. Moscow, Mysl' Publ., 1983. 779 p. (in Russian).
2. Brule P. *Les femmes grecques à l'époque classique*. P, Hachette Littérature, La vie quotidienne, 2001, 282 p. (Russ ed.: Bryule P. *Povsednevnyaya zhizn grecheskikh zhenshchin v klassicheskuyu epokhu*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2005. 239 p.).
3. Zhizhileva L. I. Personality and the State: Problems of Identification of the Person in the Ancient World. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and State: The Theory and Practice], 2017, no 4, pp. 54–57 (in Russian).
4. Surikov I. E. *Sapfo* [Sappho]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2015. 268 p. (in Russian).
5. Vardiman E. *Zhenshchina v Drevnem mire* [Woman in the Ancient World]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 335 p. (in Russian).
6. Kravchuk K. *Zhenshchiny Absolyuta* [Women of the Absolute]. Moscow, Ganga Publ., 2017. 364 p. (in Russian).
7. Wilber K. *A Brief History of Everything*. Colorado, Melbourne, Hill of Content, 1996. 339 p. (Russ ed.: Uilber K. *Kratkaya istoriya vsego*. Moscow, AST, Astrel Publ., 2006. 476 p.).
8. From the law of Manu. In: *Khrestomatiya po Vseobshchey istorii gosudarstva i prava. T. 1* [Anthology on the general history of state and law. Vol. 1]. Moscow, Yurist Publ., 2007, pp. 44–47 (in Russian).
9. Belsdon Dz. *Zhenshchiny Drevnego Rima. Uvlekatelnaya istoriya zhizni rimlyanok vseh sosloviy* [Women of Ancient Rome. Fascinating Story of the Life of the Romans of All Classes]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2016. 318 p. (in Russian).
10. Golovina V. A. Tsarev's wife the Great Nefertary Meremut. In: *Zhenshchina v antichnom mire: sb. st.* [Women in the Ancient World. Digest of Articles]. Moscow, Nauka Publ., 1995, pp. 8–43 (in Russian).
11. Chaplygina N. A. Roman Woman in the Reign of August. In: *Zhenshchina v antichnom mire: sb. st.* [Women in the Ancient World: Digest of Articles]. Moscow, Nauka Publ., 1995, pp. 104–130 (in Russian).
12. Längle A. Authentisch Leben – Menschsein zwischen Sachzwängen und Selbstsein. *Existenzanalyse*, 1999, no. 1, pp. 26–34 (Russ ed.: Lengle A. *Zhit autentichno: kak, nesmotrya ni na chto, stat samim soboy? Razvitie lichnosti*, 2005, no. 1, pp. 127–148) (in Russian).
13. Pimenova M. V. *Etnogermenevika russkoy skazki* [Ethnohermeneutics of a Russian fairy tale]. Moscow, INFRA-M Publ., 2018. 355 p. (in Russian).
14. Nikolaeva M.V. (Natkhini Sh.). *Zhenskie daosskie praktiki. Period podgotovki* [Female Taoist practices. Preparation period]. St. Petersburg, Vektor Publ., 2006. 191 p. (in Russian).
15. Apuley L. *Metamorfozy, ili Zolotoy osel* [Metamorphoses or Golden Donkey]. Moscow, Gelikon Publ., 1991. 191 p. (in Russian).

Cite this article as:

Zhizhileva L. I. Identification Problems of a Woman in Ancient States (the Ancient East and the Antique World). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 21–25. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-1-21-25>